

Утра выходных дней в школе Хогвартс всегда были немного сумбурными. Строгий распорядок дня с вполне конкретным временем для подъёма, завтрака, обеда и ужина неизбежно нарушался каждую субботу и воскресенье. В эти дни не было уроков, и не проводился обязательный утренний подъём, и, естественно, ученики с радостью пользовались этим, чтобы отсыпаться после трудной учебной недели. Очевидно, что из-за этого книззлу под хвост катился и завтрак, на котором в привычные восемь утра присутствовало очень мало студентов. Остальные приходили гораздо позже, в некоторых случаях — незадолго до обеда. И поэтому Большой Зал превращался в эдакий буфет вплоть до обеденного времени, когда каждый желающий ученик мог сесть и перекусить в любое удобное для себя время.

Этот факт оказался весьма на руку Дафне, проснувшейся субботним утром после ночной прогулки аж в десять утра, хотя обычно не делала разницы между будними днями и выходными. Если честно, девочка предпочла бы и дальше не вылезать из уютной кровати и нежиться на мягком матрасе под тёплым одеялом. Но желудок оказался сильнее.

Недовольно бурча (благо, никого в спальне кроме неё уже не было), она вылезла из постели и, приведя себя в порядок, отправилась завтракать. Большой Зал встретил её привычным гулом и шумом голосов. Он никогда не пустовал, разлилось лишь число людей, которые присутствовали в нём. Больше всего учеников, конечно же, было на общих завтраках, обедах и ужинах. Но и в любое другое время внутри хватало студентов: от коротающих «окна» старших курсов до людей, проводящих свободное от домашних заданий время после уроков.

В выходные здесь всегда было более шумно, чем обычно. Вот и сейчас Дафна отмечала весёлые разговоры тут и там, часто прерывающиеся взрывом заливистого смеха. Она ещё не знала, сколько из них касаются ночного позора Драко Малфоя, но не сомневалась — к вечеру вся школа будет знать об этом.

Мысль о несносном белобрысом наследнике Малфоев принесла вместе со ставшим уже привычным раздражением ещё и едкое злорадное удовлетворение. Они и раньше не слишком ладили, но в целом относились друг к другу нейтрально, с небольшим холодком. В замке же даже несмотря на то, что их разделили на разные факультеты, взаимодействие с нахальным мальчиком стало более частым, чем раньше, и это не могло не раздражать. Характер у него был отвратительный: избалованный, привыкший всегда получать, что хочет, и находиться в центре внимания, гаденький, мстительный и подленький. А в сочетании с громкой фамилией всё это привело к тому, что Драко начал активно бороться за власть на факультете среди своих одноклассников. Плевала бы Дафна на подковёрные интриги слизеринцев, но, к сожалению, к Малфою очень быстро примкнула Панси Паркинсон, и дружба с ней на том и прекратилась.

Улыбчивая и весёлая Панси теперь смотрела на неё с неизменными ехидством и пренебрежением, и от этого было удивительно больно и горько внутри. Вместо чуть язвительной, но в целом доброй подруги появилась... вот она. И теперь Драко Малфой, отнявший у неё подругу, вызывал уже не лёгкую неприязнь, а стойкое раздражение. Немногим меньше, чем эта предательница.

И потому было столь приятно видеть, как этого высокомерного трусливого и подлого выскочку так красиво и без всяких шансов одолели в бою. Пожалуй, она будет даже не против внести посильный вклад в распространение этой информации по школе. Подло, конечно, совсем не в духе и характере Дафны, но всегда и во всём бывали исключения...

— Приветик, Дафи! — раздалось рядом звонко.

Девочка улыбнулась. Это странное прозвище, бывшее всего лишь исковерканным именем,

неожиданно понравилось ей. Оно было таким милым, звучало так мягко, что невольно радовало слух. А может, всё дело было в Ханне, которая и придумала его. На добрую весёлую дружелюбную девочку было просто невозможно обижаться. Кажется, к ней было нельзя не испытывать симпатию, если поговорить хотя бы десять минут.

— Доброе утро, Ханна! — Дафна улыбнулась. — Как дела?

Подруга поправила упавшую на глаза прядь волос. Её улыбка стала слегка хитрой.

— Да вот мучаюсь от любопытства. Правда ли то, что рассказывает Рон Уизли?

Дафна рассмеялась.

— Быстро он, — она посмотрела на краснознамённый стол и нашла там рыжего мальчика в окружении любопытных студентов. Главной героини ночных походов рядом не наблюдалось. — Если речь о ночном позоре Малфоя, то правда. Хотя я бы не отказалась и сама послушать, что он рассказывает. Гриффиндорцы выглядят довольными.

— То есть Холли Поттер и правда вызвала его на дуэль и одним ударом вышибла его палочку?! — с восторженным огнём в глазах переспросила Ханна.

Девичий смех перерос в откровенно злорадный хохот.

— Его лицо было неподражаемым, подруга! Это просто нужно было видеть!

Аббот захихикала.

— Похоже, ты очень рада. Чем он так тебе насолил?

— Возможно, тем, что вёл себя, как распушивший хвост павлин? — хмыкнула она.

Дафна скользнула взглядом по слизеринскому столу, отмечая, что и зелёный факультет (причём, не только первый курс) явно веселится, а вот виновника торжества на месте не было. Как и бывшей подруги. Она невольно скривилась и спешно попыталась успокоиться. Как она и думала, жизнь на Хаффлпафе быстро сделала её гораздо более открытой. К сожалению, это касалось и того, что не хотелось показывать окружающим. Радовало лишь то, что на факультете барсуков её уязвимыми точками не станут пользоваться, чтобы причинить боль...

— А может, тем, что ворует друзей! — добавила она злее, чем хотела.

Повисла неприятная пауза.

— Ох, Дафи...

За что ещё так ценила свою новую подругу Дафна, так это за то, что та могла, не стесняясь никого вокруг, броситься обниматься, чтобы облегчить горечь беды или разделить сладкую радость. Это откровенно восхищало. Самой аристократке бы не хватило духу открыто сделать такое. По крайней мере, пока Хаффлпафф не настолько изменил её для этого. И вряд ли сможет когда-нибудь сделать это. Разве, что если речь пойдёт о ком-то очень близком и важном, например, об Астории...

— Можешь не волноваться, я ни за что не оставлю тебя! И более чем уверена, что и Сью тоже!

— Я... спасибо, Ханна! — с немалым удивлением Дафна обнаружила, что голос не слушается.

Слова подруги задели неожиданно болезненные струны где-то в самой-самой глубине её души. Друзья всегда были довольно болезненной темой для неё. Дафна росла в мире масок и притворства, в мире, где с детства учили, что улыбка — формальная вежливость, а вовсе не признак благожелательного настроения или намерений.

Найти в такой обстановке друзей оказалось непросто. Их было только трое, хотя Дафна так или иначе общалась не менее, чем с двадцатью детьми. И оттого они были так ценны. Пansi, Теодор, Блейз. Они улыбались тепло и искренне, радовались успехам и достижениям друг друга. И сопереживали неудачам. Всячески поддерживали и помогали. И вот их дружная четвёрка вдруг превратилась в тройку, и от этого стало очень больно.

У неё, конечно, появились новые друзья. Ханна, Сьюзен, Холли, Рон, в какой-то мере Энтони. И, конечно же, Гарри. Это было чудесно! Просто невероятно приятно! И они были совсем не похожи на детей аристократов. Они улыбались открыто и так же открыто выражали досаду, говорили прямо, о чём думают, и честно высказывались, когда нужно было высказаться. Они были гораздо более открытыми, чем Теодор и Блейз, если подумать. И всё же её первые друзья занимали в сердце совершенно особое место. И как же жаль, что они не горят желанием общаться с её новыми друзьями!..

— Все будет хорошо, вот увидишь. Пойдём, тебе надо взбодриться!

— Я ещё не доела, торопыга! — рассмеялась Дафна, выпутываясь из объятий. — И что ты вообще задумала?

— Будем кушать сладкое и играть в игры со Сью! А ещё у меня огромное желание поиграть на лютне для кого-нибудь!

— Ты умеешь играть? — девочка от удивления выгнула брови.

— Немного, — чуть потупилась Ханна, слегка покраснев. — Я учусь не так давно, хотела сделать сюрприз и, когда стану достаточно уверена в себе, сыграть вам что-нибудь красивое. Думаю, я готова. Да и тебя мне очень захотелось подбодрить.

— А ты знаешь толк в хороших сюрпризах! — улыбнулась она. — Хорошо, дай мне ещё пять минут. А потом найдём Сьюзен и закроемся в спальне на весь день. Хотя... как насчёт сыграть в общей гостиной?

Подруга тут же яростно замотала головой, краснее ещё сильнее.

— Н-нет! Слишком много зрителей будет. Я ещё не готова!

Дафна добродушно расхохоталась.

В какой момент всё пошло наперекосяк?

Именно этим вопросом задавалась Дафна, сидя на подоконнике и тоскливо глядя в окно. Серый тусклый пейзаж середины осени удивительно точно подходил под её настроение. От частых дождей земля далеко внизу превратилась в мутную грязную кашу, из которой лишь местами пробивалась жухлая умирающая трава. Деревья Запретного леса, стеной подступавшие к замку

с запада, щеголяли голыми ветками да тёмными от падающей с небес влаги кронами. А небо было мрачным и гранитно-серым.

Девочка не обращала особого внимания на то, что происходит там, за окном. Её больше заботили более близкие материи. Внутри бурлили эмоции, а на душе было как никогда раньше паршиво.

А ведь казалось, что всё прекрасно. Учёба идёт хорошо. Появились новые друзья, и даже больше, чем она когда-либо надеялась завести. Все глупые сомнения о том, что родители разочаруются распределением дочери, развеялись в первые же дни, когда Дафна получила самое теплое и ободряющее послание от них, какое только могла представить. И даже этот напыщенный павлин, укравший у неё подругу, вот уже почти неделю терпит насмешки — сильно же он насолил детям, что так долго мусолят эту тему.

Счастье было почти осязаемым. И, похоже, иллюзорным. У жизни оказалось плохое чувство юмора.

— Дафна? — услышала она удивлённый голос.

Гарри! Такой надёжный друг, честный и открытый. И готовый всегда поддержать. Они знакомы всего ничего, но Дафна уже верила ему так, как мало кому другому. Наверно, кому-то другому она бы даже не ответила, попыталась спрятаться за благожелательной маской и спровадить прочь.

Почему-то перед ним прятать эмоции и притворяться не хотелось. Потому ли, что и сам Гарри доверился ей без остатка в тот момент, когда зарождающаяся дружба была хрупкой, как хрусталь, а она со стороны казалась весьма подозрительной? Или причина была иной, менее очевидной даже ей самой? Чужая душа — потёмки, но порой и в себе разобраться непросто.

— Привет, Гарри.

Он подошёл ближе и уселся рядом, прислонившись к стеклу. Посмотрел взволнованно, чуть встревожено прямо ей в глаза.

— Что-то случилось? На тебе лица нет.

— Можно и так сказать...

Хотелось побыть одной и подумать. Успокоиться. Уложить в голове. Но и прогонять Гарри не хотелось. Он ведь о ней волнуется...

— Не хочешь... поговорить об этом? — чуть неуверенно спросил он.

Она помолчала, размышляя о предложенном и собираясь с мыслями. Произошедшее недавно обжигало огнём, было больно думать об этом. Но проговорить вслух?

Гарри не торопил. Просто терпеливо ждал, продолжая смотреть в глаза.

— Тебя когда-нибудь предавали друзья? — решила, наконец, Дафна. — Старые добрые хорошо знакомые друзья, которым ты верил больше всего?

Мальчик моргнул. Взгляд его стал чуть смущённым.

— Э... нет, — выдавил он с трудом, и девочка буквально кожей ощутила, как ему неловко. —

Сочувствую тебе.

Она вздохнула и отвела взгляд. Снова уставилась в окно, едва замечая серый унылый пейзаж.

— Спасибо...

Дафна почувствовала, что её ладошки оказались в его руках.

«Тёплые».

Его прикосновение было приятным, ласковым. И очень-очень тёплым. Оно невольно обнадёживало и приподнимало настроение.

— Я не эксперт в этом, признаю, но читал где-то, что выговориться всегда полезнее, чем держать всё в себе.

Девочка снова взглянула на него. Гарри смотрел очень мягко, но, к большой радости, в его глазах не было жалости. Только сочувствие и поддержка.

— Ты знаешь, как дружат дети из благородных семейств?

Мальчик помедлил. Было видно, что порывался сказать что-то, но осёкся и обдумал вопрос более тщательно.

— Нет. Но, исходя из того, что я знаю об аристократах, могу предположить, что с трудом. Тяжело доверять, глядя в маску, верно?

Дафна грустно улыбнулась.

— В точку. Меня учили, что нет ничего более зыбкого и пустого, чем вежливая улыбка аристократа. За ней можно скрыть сотню отравленных кинжалов, и укол ты почувствуешь лишь, когда станет слишком поздно.

— Очень печально. Не представляю, как вы друг другу доверяете.

Это «вы» оцарапало её изнутри, но девочка постаралась загнать поглубже глухую боль от того, что Гарри, по праву долженствующий стоять с ней в одном ряду, противопоставляет себя ей. Когда-нибудь, когда ей будет не так плохо, она обязательно поговорит с ним на эту тему.

Но не сейчас.

— Поэтому в такой обстановке нет ничего ценнее искренней дружбы. Когда ты знаешь, что твой настоящий друг не предаст тебя. Не воспользуется моментом слабости ради сиюминутной выгоды. Когда ты сможешь подставить ему плечо и знаешь, что и он подставит. Когда можно не прятаться под маской. Представляешь, как трудно найти таких друзей в водовороте вежливых масок?

— Судя по твоему состоянию, ты всё же не нашла, — грустно заметил друг, ласково поглаживая её ладони. — Кто тебя предал, Дафна?

В его голосе прозвучал отзвук опасных ноток. Гарри был недоволен, и Дафна не могла не почувствовать себя польщённой. Впрочем, стоило ли удивляться? Она ведь сама, не раздумывая ни секунды, как ураган, налетела на посмевшегося издеваться над ним Малфоя.

— У меня было трое друзей. С потерей Панси Паркинсон я, вроде как, уже смирилась. Хотя было очень больно. Не знаю, почему она так... Мне казалось, я её знаю, при мне Панси не страдала такими глупостями. А тут... В первые же дни прибежала к Малфою, решила присоединиться к набирающему авторитет и власть на факультете. Мы с ним никогда особо не ладили, а в школе он стал ещё хуже. И Панси предпочла его и положение нашей дружбе...

Мальчик сочувствующе кивнул. Кажется, он сдерживался, чтобы не сказать чего-то резкого.

— А что остальные?

Дафна вздохнула. Продолжать говорить становилось всё сложнее. Неожиданно тугой комок образовался в горле.

— Теодор и Блейз. Мы всегда хорошо понимали друг друга... Или мне так казалось? Однажды я запустила яблоком в дедушку Тео на званом обеде — очень уж нудно он болтал. Признаться никто не стал, и нас троих наказали: до конца дня заперли в комнатах, пока остальные веселились.

Девочка улыбнулась, счастливо и меланхолично.

— Дружба, настоящая дружба ведь и складывается из подобных мелочей, верно? Когда поддерживаешь друга во всём. А он тебя. Они меня поддерживали.

— Что случилось потом? — хрипло спросил Гарри.

— Глупость, — горько бросила Дафна. — Я... старалась не замечать, что общение стало холоднее. Тут мелочь, там другая. Здесь холодок, там неожиданное ехидство. Я надеялась, что наша дружба выдержит это. Не понимала причин. А всё просто...

Она судорожно вздохнула. Было больно, очень больно. Жестокие слова всё ещё звучали в ушах. Дафна старалась держать захлёстывающие эмоции в узде, но злые слёзы неумолимо подступали. Она ни в коем случае не должна расплакаться! Потому что тогда в нём точно проснётся жалость. А видеть в глазах Гарри жалость она не хотела совсем!

— Хаффлпафф — отбросы! — девочка зло сжала зубы.

Было очень обидно. За себя, за потерянную дружбу, за то, какой слепой она была, что не замечала раньше. И за факультет. Как можно так презрительно относиться к ним?! К таким открытым, добрым, честным! Весёлым, трудолюбивым, верным! Как можно плевать в души этим прекрасным людям?! Ханне, Сьюзен, Эрни, Захарии! Ей!

— Когда дружба и верность стали такими незначительными для них?! — одинокая слезинка всё-таки побежала по щеке.

Она вырвала руки из тёплой гавани ладоней своего друга и зло отёрла щеку. Тут же стало холоднее, и от того ещё более грустно и больно.

Дафна задыхалась от возмущения.

— Почему «хитрецы, жадные до власти» так презирают нас?! Чего этим двоим не хватало?! Они ведь знали, как я дорожу нашей дружбой! На что я готова ради неё!

Гарри молчал.

— Улыбались, как в театре! Делали вид, что не плевать! Но как только я щёлкнула по носу этого белобрысого урода, то не выдержали! Факультетская солидарность! Можно общаться с нами, пока мы знаем своё место! Пока не начинаем причинять беспокойство и не превращаемся в социальный балласт!

Слёзы продолжали бежать, но Дафна уже не пыталась их стирать. Лишь поспешно отвернулась, чтобы не видел Гарри. Было больно и горько проговаривать всё это вслух, снова переживать недавний разговор. Был ли в этом вообще какой-то смысл? Она будто добровольно глотала яд!

Она опустошённо выдохнула и замерла, лишь плечи продолжали чуть подрагивать. Девочка уже привыкла, что друг берёт её за руку. Поддерживает, обнадеживает. Это стало неожиданно приятно — никто и никогда раньше не делал этого. Даже Астория, если что-то случалось, крепко-крепко обнимала. Родители тоже мягко обнимали её каждый раз, когда Дафна нуждалась в этом. Объятие Гарри же оказалось ещё приятнее.

Такое тёплое, нежное, осторожное. И неожиданное. Кажется, он сам не верил до конца, что может делать это. Девочка против воли улыбнулась.

— Я понимаю, это очень больно, — прошептал он хрипло. — Я... знаю, это прозвучит... жалко, наверно. Кто я такой, чтобы утешая после предательства старых друзей, говорить, что есть я и остальные? Мы знакомы меньше двух месяцев, — он грустно усмехнулся. — Но я рискну всё-таки сказать это. Я не оставлю тебя. И не предам.

Дафна всхлипнула. В Гарри хотелось верить. И его словам хотелось верить. Очень-очень сильно.

И она поверила.

<http://tl.rulate.ru/book/90154/2894051>